

Павел Нерлер

На воздушных путях: по ту сторону тамиздата

1.

В своих «Воспоминаниях» Надежда Мандельштам рассказала все то, что ей удалось разузнать о смерти Осипа Мандельштама. Ее книга дает представление и о том, как достигали ее эти сведения, о личных встречах или о переписке с самыми разными очевидцами. Некоторые свидетельства не попали в круг ее зрения¹, иные обнаружались или были опубликованы уже после ее смерти. Попытка свести все известное воедино и критически проанализировать была предпринята нами в книге «С гурьбой и гуртом...»² и в предшествовавших публикациях. Но речь в ней шла о распространении вести именно внутри СССР — о загранице там ни слова.

Разумеется, это весть докатилась и до заграницы, но шла туда она долго и сложно. Первой обобщающей сводкой об этом явилась статья Р. Тименчика «О мандельштамовской некрологии» (1997)³. Тема была продолжена в публикациях

© Pavel Nerler, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

Благодарю М. Адамович, З. Давыдова, Б. Томсона и Л. Флейшмана за ценные сведения и другую помощь при подготовке этой статьи.

¹ А одно было ей проигнорировано.

² Нерлер П. «С гурьбой и гуртом...» (Хроника последнего года жизни О. Э. Мандельштама). М.: Радикс, 1994 [1995] 112 с.

³ Впервые: Даугава. 1997. № 2. С. 132—138 (в переработанном виде перепеч. в кн.: Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. С. 550—566.

Л. Кациса⁴ и Н. Богомолова⁵, а также Д. Зубарева⁶ и пишущего эти строки⁷.

Крайне интересно, что самым первым по времени и довольно точным (наполовину!) источником информации о смерти О. М. мог бы стать Иванов-Разумник. 25 апреля 1942 года, отвечая Георгию Иванову на его «вопрос об Ахматовой, Лозинском и Мандельштаме», Иванов-Разумник писал: «*Последний — погиб в ссылке (в Воронеже, в сумасшедшем доме) еще в 1937—8 году*»⁸.

Мог бы стать, но не стал. Эта информация еще 60 лет оставалась «глухонемой»: ни один из корреспондентов не сделал ее достоянием общественности. Особенно странно это для Г. Иванова, боготворившего О. М. (в эстетических святцах Иванова-Разумника Мандельштам, напротив, был пигмеем). Еще труднее понять Г. Иванова там и тогда, когда спустя 11 лет ему все же пришлось как-то соотнестись с обстоятель-

⁴ Кацис Л. Борис Николаевский о судьбе Осипа Мандельштама: к проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946) // Вестник РГГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2008. № 11. С. 143—149. Второй раз — в рецензии на книгу П. Нерлера: Кацис Л. О «делах», жизни и судьбе Осипа Мандельштама // ВЛ. 2011. № 2. С. 330—362. Полный вариант этих статей см.: Кацис Л. Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М., 2012. С. 170—186.

⁵ Богомолов Н. Что видно сквозь «железный занавес» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 367—376

⁶ Зубарев Д. Вести о гибели: из Конница в Биарриц и обратно // Другой гид. 2010. № 12. С.32-33.

⁷ Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений / При участии Д. Зубарева и Н. Поляя. Ред.: С. Василенко. М.: Петровский парк, 2010. С. 158—164. Книга, вышедшая в 2010 году, была завершена еще в 2008 году. См. также несколько более раннюю публикацию соответствующей главы: Нерлер П. «Сарафанная почта»: вести и слухи о смерти Осипа Мандельштама // Пермьяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. Ч. 2. С. 548—560.

⁸ Встреча с эмиграцией: из переписки Иванова-Разумника 1942—1944 годов / Публ., вступит. статья, подготов. текста и комм. О. Раевской-Хьюз. М.—Париж, 2001. С. 27—30 (см. также электронное фотографическое издание <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=866>)

ствами смерти поэта. В очерке «Закат над Петербургом» (1953) он описал ее совершенно иначе: «*О его трагической смерти известно только, что он выбросился из окна, чтобы избежать „окончательной ликвидации“*». Он явно отталкивался от другого источника, показавшегося, возможно, более солидным⁹.

Публичным известие о смерти Мандельштама стало лишь в 1945 году, хотя, вероятно, и до конца войны. 30 апреля 1945 года в Париже состоялся вечер, на котором с воспоминаниями выступил Константин Мочульский. Одним из главных персонажей был О. М., названный докладчиком «*самым замечательным из современных русских поэтов после Блока*»¹⁰. Но о том, жив он или нет, докладчик просто не знал.

Однако тогда же, весной 1945 года, об О. М. сообщалось и то, что он погиб в полуизгнании где-то в Крыму: явное уподобление Вергилию!¹¹

Примерно тогда же в Париже обнаружилось сразу два вероятных «источника» этих и других сведений о репрессированных или умерших писателях. Первый — это режиссер Театра им. Ленсовета и дальний родственник О. М. Сергей Эрнестович Радлов, захваченный немцами вместе с группой в Пятигорске и докочевавший вместе с ней до Парижа. Второй — дипломат-перебежчик Михаил Михайлович Коряков, бежавший 11 марта 1946 года. В интервью первой газете «Русский патриот», опубликованном 3 марта 1945 года, имеется фраза: «*Скончался поэт О. Э. Мандельштам (вне Ленингра-*

⁹ О нем еще будет сказано ниже.

¹⁰ Мочульский К. О. Э. Мандельштам // Встреча. Париж, 1945. С. 30—31. Автор, учившийся вместе с О. М. в Петроградском университете, тогда еще не знал его стихов 1930-х гг. Впрочем, точной даты лекции Мочульского мы не знаем. Об О. М., наряду с Маяковским, Есениным и Ахматовой, говорил в Париже и Г. Адамович (октябрь 1945 г.), но из отчетов неясно, что именно было известно лектору о смерти поэта.

¹¹ См. в послесловии Сергея Карского (Serge Karsky) к сделанной им подборке переводов из трех стихотворений О. М. — первой в послевоенной Франции (Poésie. 1945. Avril — Mai. No 24. P. 17—18).

да)»¹². Коряков, по предположению Р. Тименчика, стал источником информации для другой парижской газеты — «Последние новости»: «Поэт Осип Мандельштам скончался в г. Ельце»¹³. Он же говорил Шмелеву о смерти в ссылке Мандельштама и Клюева и об «исчезновении» Пильняка¹⁴.

Мифическая «информация» о Ельце с той поры долго еще сопровождала посмертную легенду об О. М. на Западе. Так, она пересекла океан и из Парижа перекечевала в Нью-Йорк, в заметку Андрея Седых (Я. Цвибака), лично знавшего О. М. еще по врангелевской Феодосии: «Коротенькая телеграмма: «В Ельце умер поэт Осип Мандельштам». Почему в Ельце? Жизнь безжалостно трепала Осипа Мандельштама, не сла его, как щепку, попавшую в водоворот, и всегда выбрасывала где-нибудь в глухом, неожиданном месте»¹⁵

В № 1 выходившего в Нью-Йорке «Социалистического вестника» за 1946 год О. М., на пару с Н. Эрдманом, стал героем обзора Б. Николаевского¹⁶. Наряду с совершенно фанта-

¹² С.М. Беседа с ленинградцем // Русский патриот (Париж). 1945. 3 марта. Личности как «ленинградца», так и интервьюера-парижанина (поэта М. А. Струве) убедительно атрибутированы Р. Тименчиком (Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. С. 551—554. Подробный анализ текстов М. Корякова о судьбе Мандельштама, включая его переписку по этому поводу с Г. П. Струве, а также историю изданий О. М. в широком контексте эдиционной деятельности Г. С. и Б. Ф. совпавшей с эпической битвой вокруг „Доктора Живаго“ Б. Пастернака см. в книге Л. Флейшмана «Встреча русской эмиграции с „Доктором Живаго“: Борис Пастернак и „холодная война“» // Stanford Slavic Studies. Vol. 38. Stanford, 2009. P. 25—27, 34—36, 403—405 и по указателю).

¹³ Б. Б. [Б. Бродский] Литературная Москва. Беседа с приезжим // Русские новости (Париж). 1945. 15 июня.

¹⁴ Шмелев рассказал это Р. Гулю, а Гуль сообщил Б. И. Николаевскому (в письме от 25 июля 1945 г.).

¹⁵ Седых А. Осип Мандельштам // НРС. 1945. 12 авг.

¹⁶ Николаевский Б. [«Преступление и наказание» поэта О. Мандельштама. Из летописи советской литературы // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 1. 18 янв. С. 21—25. Этой публикации предшествовал своеобразный «анонс» в выпуске того же журнала за 10 ноября 1945 г.: «В редакцию С. В. поступили материалы о судьбе ряда писателей в Советской России: в частности, сообщены подробности ссылки и гибели Мейерхольда, убийства его

стическими сведениями об аресте О. М. за эпиграмму на Сталина она содержит и ряд достоверных деталей, восходящих, по некоторым предположениям, не к кому-нибудь, а к Бухарину, с которым Николаевский встречался в 1936 году по вопросам о судьбе рукописей К. Маркса¹⁷. К «фантастике» относится, в частности, утверждение о том, что Сталин сам допрашивал столь дерзкого поэта и засадил его в Курский централ, о выбрасывании из окна с третьего этажа — попытке самоубийства О. М., закончившейся сломанными ногами и инвалидностью: передвигаться О. М. мог только на костылях. После этого-де Сталин «смилоствовался и отдал распоряжение об отправке Мандельштама в ссылку, под надзор. Местом ссылки был назначен город Елец (недалеко от Орла). Мандельштаму было разрешено для заработка работать в местной газете, — в „Известиях“ местного Совета, но только под псевдонимом. Писать в центральных изданиях разрешено не было, — равно как не было разрешено вообще печатать стихи... Не пиши эпиграмм!

В таком положении дело находилось в 1941 году, — перед началом войны. Осенью 1941 года Елец был занят немцами, и в литературных кругах Москвы поползли туманные слухи о гибели Мандельштама. После изгнания немцев из Ельца слухи эти получили полное подтверждение, — но никаких подробностей не оглашено. Вначале слухи говорили, что в спешке эвакуации М. не успели вывезти; сам он уйти на костылях, конечно, не мог, — а потому попал в руки немцев и уничтожен ими, как еврей. Но теперь всё настойчивее говорят, что обстановка гибели была совсем другой: для эвакуации действительно не было времени, но у НКВД была совершенно „твердая“ инструкция никого из политических

жены Зинаиды Райх, расстрела Пильняка, самоубийства Марины Цветаевой, заключения в централ, покушения на самоубийство и долгих скитаний поэта О. Мандельштама и др.»

¹⁷ Кацис Л. Ф. Борис Николаевский о судьбе Мандельштама. К проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946 г.) // Вестник РГГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2008. № 11. С. 143—149.

поднадзорных на месте не оставлять, а в случае невозможности эвакуации уничтожать. Тот факт, что М. был секретарем официальной газеты, положения не менял, — и агенты НКВД точно выполнили предписание инструкции...

Так или иначе, но М. погиб в Ельце, и эта гибель была ключевым звеном тех испытаний, которые на него обрушились за составление эпитафии на Сталина... Можно ли в истории многострадальной русской литературы найти хотя бы одного поэта, который так дорого заплатил бы за эпитафию на какого-либо самодержца?»¹⁸

В № 6 того же издания — анонимная поправка к сообщенному Николаевским:

...Ваши сведения о поэте Мандельштаме не вполне точны: он погиб, но в несколько иной обстановке. Из Ельца он был освобожден в 1939 году, когда Берия освободил из ссылки ряд писателей, артистов и т. д. Зимой 1939—1940 годов он прожил в Москве и, несмотря на физическое нездоровье, был в очень бодром, оживленном настроении. Много писал, — и люди, которые читали его стихи этого периода, в один голос говорят, что это была пора расцвета его творчества. В конце 1940 года Мандельштам попал под новую полосу арестов и после нескольких месяцев тюрьмы был отправлен на Колыму. До Магадана не дошел: в пути схватил тиф и умер где-то на Дальнем Востоке, в тюрьме.¹⁹

Здесь уже хотя бы нет Холокоста и, если Елец²⁰ заменить на Воронеж, Москву на Калинин, а 1939—1940 на 1937—1938 годы, то верна и общая последовательность событий (бесценно здесь указание на взлет его творчества накануне смерти).

¹⁸ Николаевский Б. «Преступление и наказание» поэта О. Мандельштама. Из летописи советской литературы // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 1. 18 янв. С. 23. По остроумной догадке Л. Кациса часть допущенных неточностей на самом деле — сознательная дезинформация, призванная замаскировать источник сообщения.

¹⁹ Еще о гибели поэта Мандельштама. (Из письма) // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 6. 21 июня. С. 157.

²⁰ Кстати, бывший под оккупацией всего 5 дней! (Богомолов Н. Что видно сквозь „железный занавес“// Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 367—376).

«Коряковско-елецкая версия» не без труда, но узнаваема и в изложении Эммануила Райса, в 1949 году записанном с его слов С. Маковским: О. М. «написал эпиграмму на Сталина и прочел ее своим друзьям-поэтам: Пастернаку, на дому которого это было, и трем другим. ГПУ, однако, тотчас было осведомлено об этой политической шалости Мандельштама. Он был арестован. Тогда начались за него хлопоты. Дело дошло до Сталина. Ходатаи за Мандельштама ссылались на то, что он, хоть и немного написал, но является самым гениальным из современных поэтов. Сталин, будто бы, лично заонил по телефону Пастернаку и спросил его, правда ли это? Пастернак так опешил от звонка самого „отца народов“, что не сумел защитить репутацию Мандельштама... Его выслали на юг России (может быть в Эривань, которой посвящено одно из его поздних стихотворений?). Он оставался в этой ссылке до 39 года, когда ему разрешили вернуться в Москву. В этот приезд свой он читал какие-то свои стихи, будто бы всех поразившие блеском. Затем поэт опять оказался где-то в провинции, там и застала его война. При наступлении германских войск он с перепугу собирался бежать куда глаза глядят, выскочил во двор дома, где проживал, и сломал себе ногу. Как раз в это время оказались у дома немцы и пристрелили его (этот конец в 1941 году как-то мало вероятен, иначе бы большевики не замалчивали бы трагическую смерть поэта»²¹.

В 1951 году, в № 1 «Литературного современника», литературно-критического журнала «второй волны» русской эмиграции²², имя О. М. встречается в публикации «Голоса погибших. Траурный список литераторов, убитых или сосланных на казнь советской властью» — с пометой: «Умер в заключении»²³.

Возможно, что источником этих сведений был и сам Б.Филиппов. Ведь и у него имелась своя версия — та, которую он впервые сообщил Г. С. еще в 1954 году, а потом несколько раз

²¹ Даугава. 1997. № 2. С. 131—132. Публикация О. Лекманова.

²² Издавался в Мюнхене при поддержке Фонда интеллектуальной свободы (Fund for intellectual Freedom), основанного А. Кестлером и др. западными писателями для помощи писателям-беженцам.

²³ Литературный современник. Мюнхен. 1951. № 1. С. 45.

повторял — тому же Струве и некоторым другим, например, К. Брауну. Основывалась она на рассказе пианистки и профессора Московской консерватории Марии Вениаминовны Юдиной — большого друга О. М. и, по словам Б. Ф., самого Б. Ф., который виделся с ней в марте или апреле 1941 года в Ленинграде, куда он приехал нелегально из Новгорода. Рассказывая Б. Ф. о своем посещении О. М. в Воронеже, Юдина подчеркивала, что О. М. уже тогда произвел на нее впечатление умирающего от туберкулеза. Из-за этой болезни и по хлопотам родных, утверждала она, О. М. и заменили лагеря ссылкой в Воронеж, но с необходимостью отмечаться в комендатуре раз в неделю. От туберкулеза, согласно Юдиной, О. М. и умер в 1940 году, но уже не в Воронеже, а в каком-то воронежском областном райцентре. Позднее, пересказывая эту версию К. Брауну, Б. Ф. добавил: *«Но по другим сведениям Мандельштам был захвачен в этом городе немцами и истреблен, как еврей»*.²⁴

Началом 1950-х гг. датируется и явно фантастическая версия еще одного бывшего ленинградца — Валерия Завалишина, утверждавшего, что О. М. посадили даже не за эпиграмму на Сталина, а за стихотворение (или поэму) «Вий», имеющую, в его изложении, некоторое сходство разве что с «Четвертой прозой»²⁵.

Среди слухов, достигших эмиграции, был, по выражению Р. Тименчика, и самый желанный — слух о том, что О. М. всё еще жив. В августе 1955 года Ю. Тераписано сообщил Г. Струве именно такой слух: *«О. М. жив, но полуоглох, полуслеп. <...> Не очень верится, но в СССР всё возможно!»*²⁶

Да, все возможно, но Струве все же не поверил. Не поверил он и Филиппову.

²⁴ Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Collection GEN MSS 334 (Boris Filippov Papers). Box 2. Folder 41.

²⁵ Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. С. 560—561.

²⁶ Его «автором» был, скорее всего, такой ненадежный источник как Юрий Трубецкой (Там же. С. 562).

В 1959 году, сославшись на «Социалистический вестник», он пересказал в «Дневнике читателя» воспоминания анонимного англичанина (скорее всего Исая Берлина) о телефонном звонке Сталина Пастернаку по поводу О. М.: при этом общим и неизменно расплывчатым местом стало представление об аресте О. М. где-то в 1937 году и о его смерти где-то в Сибири²⁷.

Комбинация точного и неточного (не путать с комбинацией лжи и правды: она все же подразумевает некое знание второй) сопровождала многоступенчатую передачу подобных слухов еще долго.

2.

В мандельштамовском однотомнике 1955 года редакторы делали ставку на поиск и сбор того, что у Мандельштама было издано, — когда бы то ни было и где бы то ни было. Это распространялось и на «позднего Мандельштама», но ограничивалось теми же публикациями, пусть и малочисленными. Поэтому и просьбы у тандема к тем, кто ехал на какое-то время в СССР, были специфические и занудные — сходить в библиотеку и заказать фотокопии (фотостаты) таких-то и таких-то источников, о которых Струве и Филиппов уже знали, но которыми еще не располагали.

Единственное стихотворение в однотомнике без прижизненного источника — «За гремучую долю грядущих веков...» — залетело сюда тоже как бы из привычного места — из книги: в данном случае, из готовившейся в том же Чеховском издательстве книги Маковского. Редакторам было невдомек, что на самом деле оно было вестником из совершенно иного творческого периода и иного пространства. Ни о чем другом они просто не подозревали!

²⁷ Струве Г. Сталин и Пастернак. [Дневник писателя] // НРС. 1959. 15 февр. С. 8.

Догадка, а потом и осознание пришли спустя шесть лет, в 1960-м году, когда, — в разгар «долбления» о полном, как им казалось, мандельштамовском двухтомнике, — их стали достигать сначала слухи о неопубликованных и совершенно неизвестных поздних стихах О. М., а затем — то по одному, то стайками, а то и большими стаями — и сами стихи, воистину «наплывающие», по автохарактеристике поэта, «на русскую поэзию».

Переписка Струве и Филиппова 1960-х гг. пестрит слухами о списках позднего Мандельштама, вынырывающих в самых разных местах — то в Оксфорде (Борис Томсон?²⁸), то в Париже (Слоним? Или Никита Струве, получивший свой список из рук Анны Карив-Кишиловой?²⁹), то в Милане (Фельтриннели? Или он же — со Слонимом?), то в Мюнхене и вокруг (Кленовский?), и даже в Стокгольме и Варшаве!

Рано или поздно, но на смену слухам о стихах должны были придти и сами стихи. И они пришли, но не к одним только Струве и Филиппову — текстологическая колода была заново перетасована, и началась конкурентная борьба. Вся история с Романом Гринбергом и его альманахом — ни что иное как одна большая иллюстрация к этому эдиционному капитализму. Но, по большому счету, периодика книжному делу не соперник, а скорее помощник. И даже чуточку жаль, что у «борисоглебцев» не нашлось в то время альтернативного подлинного конкурента в деле выпуска именно книг Мандельштама.

Увлеченные этой борьбой и замученные корректурами, Струве с Филипповым даже не заметили, как стали свидетеля-

²⁸ Аспирант Сергея Коновалова, Б. Томсон в 1960—1961 г. стажировался в МГУ с темой о Л. Леонове. Список стихов позднего Мандельштама он передал Г. С. на одной из конференций в 1961 г. Позднее долгое время работал в Торонто. Верность слову не называть источник этого списка Б. Томсон держит до сих пор.

²⁹ См.: Нерлер П. Три стихотворения Николая Кишилова об Осипе Мандельштаме // Сохрани мою речь... Вып. 4. М., 2008. С. 732—734.

ми — нет, участниками — самой настоящей революции — той, что произошла на контрабандных «воздушных путях».

Ибо установление в 1962 году первых воздушных мостов между ними, с одной стороны, и различными «самиздатчиками», вплоть до вдовы Манделштама и вдовы Гумилева, с другой, — впервые означало выход американского тандема энтузиастов к своей главной цели — к возможно более полному корпусу манделштамовских текстов.

3.

Промежуточными опорами и станциями этих мостов были, в одном случае, Кларенс Браун, в другом — чета Кишиловых вместе с Никитой Струве, в третьем — Мартин Малиа с Юлианом Оксманом, в четвертом — Борис Томсон из Оксфорда. Дело это было деликатным и для некоторых из них даже рискованным, поэтому перечень тех, кого редакторы первого тома «Собрания сочинений» выражают свою признательность, хотя и широк, но едва ли содержит все имена.

Все же приглядимся к этому списку и реконструируем причины и поводы для попадания в него³⁰:

Благодаримые лица	Причины и поводы для благодарности — виды помощи					
	Те-к-сты	Био-графия	Библио-графия	Иллю-страции	«ку-рьер»	Нет сведений
Л. А. Алексева-Иванникова ³¹			+			
А. С. Беляев						+
Н. С. Благовещенская						+
К. Браун	+	+	+			

³⁰ За исключением Н. С. Благовещенской, все они повторены и в «От редактора» ко 2-му изданию этого тома в 1967 г.

³¹ Поэтесса, многолетняя сотрудница А. Раннита по работе в Нью-Йоркской публичной библиотеке и в библиотеке Йельского университета.

С. Л. Голлербах				+		
Р. Н. Гринберг	+					
Х. Диксон			+		+	
Д. И. Кленовский	+					
О. Аркадий Моисеев						+
И. В. Одоевцева		+				
А. К. Раннит			+	+		
А. П. Струве	+		+			
Н. А. Струве	+		+			
В. А. Сумбатов		+				+
Ю. К. Терапиано		+				
Л. А. и А. М. Толстые						+
Б. Томсон	+				+	
Т. О. Федорова						+
З. И. Юрьева ³²			+			+

Среди неназванных — Роман Гринберг (видимо, в отместку за неназывание имен Струве и Филиппова при публикации 57 стихотворений Мандельштам во втором выпуске «Воздушных путей»³³) и берклийский историк Мартин Малиа (ему еще ездить в Москву!).

По понятным причинам, не было названо одно имя, которое в нормальных условиях должно было бы стоять впереди других — имя Юлиана Григорьевича Оксмана. Систематически, начиная с конца 1962 года, снабжая Г. Струве неизвестными текстами О. М. и биографическими сведениями о нем, он, в сущности, являлся третьей вершиной того незримого моста-«треугольника», вынужденно маскировавшегося под «тандем».

Без реальных людей, во плоти и крови, наладивших «воздушные пути» и передававших на Запад, наряду с крамольными политическими материалами («злойной антисоветчиной»), также и творческие документы эпохи — и прежде всего неподцензурные «самиздатские» стихи и прозу, — ника-

³² Юрьева Зоя Иосифовна (1922—1980) — длительное время член совета директоров «Нового журнала», правая рука Р. Гуля в бытность его главным редактором.

³³ http://www.vtoraya-literatura.com/publ_193.html

кие «тамиздатские» издания были бы невозможны. Поэтому нечего и удивляться тому, что сама по себе передача чего бы то ни было на Запад котирировалась в табели «антисоветских деяний» не как проступок, а как серьезное и уголовно сурово наказуемое преступление. По этой причине она была сопряжена с немалым риском и для «курьера»: мужеством брать на себя эту роль обладали очень немногие.

Роль Ю. Г. Оксмана как «источника» Г. П. Струве «полностью изобличается» его письмами 1962—1963 гг. к Г. П. Струве, хранящимися в архиве адресата в Гуверовском институте в Стэнфорде и опубликованными в 1987 году³⁴.

Даже в той «плеяде русских филологов, преобразивших гуманитарные науки в XX веке» (выражение Л. Флейшмана) Ю. Г. Оксман выделялся широтой интересов и особенным, можно сказать, истовым пристрастием к архивному поиску. Стержнем его филологической работы была пушкинистика (он фактически возглавлял коллектив, готовивший юбилейное академическое собрание сочинений, но лично он встретил пушкинский юбилей на Колыме, после того как был арестован в 1936 году. В Москву он вернулся только через 20 (!) лет — сполна отбарабанив свою лагерную «десятку», а после освобождения (без реабилитации) в 1946 году еще столько же времени проведя в Саратове. В Институте мировой литературы им. М. Горького он проработал без малого восемь лет, будучи с головой занят подготовкой изданий Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Герцена, а таких знаковых серий как «Литературные памятники», «Литературное наследство» и «Краткая литературная энциклопедия», первый том который вышел в свет в 1964 году.

³⁴ Л. Флейшман. Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. — Stanford, 1987. — С. 16—70. Введение в научный оборот переписки Ю. Оксмана с западными коллегами было продолжено А. Б. Устиновым (см.: Устинов А. Б. Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру. // *Темы и вариации*. Сб. статей и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 8. Stanford, 1994. С. 471—544).

Новые репрессии грянули во второй половине 1964 года: обыск в квартире в августе и увольнение из ИМЛИ в ноябре, запрет на упоминание имени в публикациях и ссылках. Поводом для этого стали заметки в записной книжке американской славистки Екатерины Фойер (Kathryn Feuer), конфискованной у нее летом 1963 года при пересечении границы. Связь этих событий с передачей на Запад мандельштамовских (и не только) материалов очевидна.

Уже самый факт переписки Ю. Г. Оксмана и Г. П. Струве, как отмечает Л. Флейшман, имеет «чрезвычайный исторический вес». Немаловажно и то, что инициатором переписки был именно Оксман, в ноябре 1962 года (как бы на самом излете хрущевской «оттепели», оборвавшейся в декабре, после скандала на выставке «30 лет работы московских художников») обратившийся к Струве через американского профессора Н. Н., бывшего в то время в Москве на длительной стажировке³⁵.

С самого начала этого контакта Оксман, подчеркивает Л. Флейшман, «..не представлял себе возрождения творческой самостоятельности и интеллектуальной свободы в советской России вне диалога и сотрудничества со „второй“, „зарубежной“ Россией. Книги зарубежных русских издательств, работы эмигрантских ученых, проникавшие в Москву, доказывали, что культурное наследие, методически выкорчевываемое в период сталинского террора, заботливо сохранялось все эти годы „второй“ Россией». И именно в этом контексте следует понимать слова Оксмана о Струве как о «настоящем русском патриоте», произнесенные им еще в 1968 году³⁶.

Дополнительный штрих: в начале 1960-х гг. и среди «мужественных» людей (как бы мало их ни было) большинство от-

³⁵ В частной беседе Л. С. Флейшман раскрыл его инкогнито: им был профессор Малиа, историк из того же Берклийского университета, что и сам Г. Струве.

³⁶ Здесь и ниже: Л. Флейшман. Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. — Stanford, 1987. — С. 20.

нюдь не считало, что западных издателей можно и нужно поддерживать материалами изнутри СССР. После истории с «Доктором Живаго» многие сознательно «...избегали личных контактов с границей и отрицательно относились к зарубежным публикациям, возлагая все надежды на процесс либерализации в Советском Союзе, на давление «самиздата» на советские инстанции»³⁷.

И в этом контексте поведение Ю. Г. Оксмана поистине уникально. Он, как отмечает Л. Флейшман, был «...одним из зачинателей того процесса преодоления барьеров между русской зарубежной и советской культурной жизнью, которое стало характерной чертой ситуации 60-х и 70-х годов»³⁸.

В своем первом же (многостраничном!) письме, откликаясь на переданную через Малиа просьбу Струве дать дополнения и поправки, Оксман привел массу сведений биографического, библиографического и текстологического характера, в том числе и список — с пропуском двух строк — антисталинской «эпиграммы» О. М. (которую и сам Оксман впервые услышал лишь совсем незадолго до этого — весной 1961 года).

Немедленно по получении письма от Малиа Г. С. написал Б. Ф.³⁹:

«Дорогой Борис Андреевич! Мой московский корреспондент объявился — не здесь еще, но в Западной Европе — и я сегодня получил от него интереснейший мандельштамовский материал, часть которого при сем прилагаю. Это, во-первых, стихотворение Мандельштама о Сталине, а во-вторых — письмо одного очень известного советского литературоведа, которого я не буду называть (он тоже был много лет репрессирован) к моему знакомому, из коего я пока прилагаю выдержку — непосредственную реакцию на нашего Мандельштама. Осталь-

³⁷ Л. Флейшман. С. 20. Справедливости ради стоит заметить, что Н. Я. Мандельштам (упоминаемая Л. Флейшманом как одна из сторонниц такой позиции) сама установила собственные контакты с границей (с К. Брауном, Н. А. Струве и др.) по крайней мере в том же 1962 году.

³⁸ Л. Флейшман. С. 21.

³⁹ Дата отсутствует. Датируется концом ноября или началом декабря 1962 г.

ное письмо заключается в некоторых поправках и дополнениях (главным образом орфографического характера) к нашему изданию и содержит кошмарный рассказ о последних днях сошедшего с ума О. Э. Эту часть письма я вышлю Вам как только перестукаю все. Во всяком случае, отзыв о нашем издании, исходящий из такого источника, более чем приятно читать. Думаю также, что вы можете дискретно использовать его в предпринимаемых Вами шагах к изданию более полного Мандельштама. Более того: мой знакомый, который вскоре едет снова на месяц-полтора в Москву, намекает на возможность получения для меня «полного» Мандельштама (т.е. полного рукописного наследия). Это, конечно, было бы замечательно».

Все сведения были введены в научный оборот Г. П. Струве в нескольких газетных и журнальных публикациях⁴⁰ и широко использованы при издании первого тома «Собрания сочинений», вышедшего в 1965 году.

Получив от Малиа (видимо, через посольскую почту) письмо Оксмана, Струве (и, видимо, тем же путем) прислал ответ, и уже 20 ноября 1962 года Оксман писал Струве вторично, откликаясь на это неизвестное нам письмо. После этого между самим «публикатором» и его «источником» завязалась оживленная переписка: всего в архиве Г. П. Струве сохранилось 15 писем (не считая копии одного из писем самого Струве), большинство из них написаны в ноябре—декабре 1962 г. и в самом начале 1963 года, после чего наступил 1,5—месячный перерыв (вызванный, по-видимому, отсутствием Малиа в Москве); последние письма датируются началом июня

⁴⁰ См. целую серию статей и публикаций Г. П. Струве: Еще о судьбе Осипа Мандельштама. РМ, 5 февраля 1963 (подп.: Г. Стуков); Неизвестное стихотворение Осипа Мандельштама. // РМ, 21.02.1963 (подп.: Г. Стуков); Еще о судьбе Осипа Мандельштама. // РМ, 5.03.1963 (подп.: Г. Стуков); О судьбе Осипа Мандельштама. Письмо в редакцию. // РМ, 16.04.1963 (подп.: Г. Стуков); Новое о судьбе Осипа Мандельштама. // Мосты, 1963, № 10, с. 150—169 (http://www.vtoraya-literatura.com/publ_279.html) (подп.: Г. Стуков); Осип Мандельштам о христианском искусстве. // РМ, 28.11.1963; Осип Мандельштам о христианском искусстве. / Вст. заметка к фрагменту Мандельштама <<Пушкин и Скрябин>> / РМ, 28 ноября 1963.

1963 года, а самое позднее письмо было написано в середине 1965 года, когда волна репрессий против Ю. Г. Оксмана несколько схлынула.

Сначала задавал вопросы преимущественно Г. П. Струве, а Ю. Г. Оксман — преимущественно давал ответы, «подбрасывая» кое-что, — в том числе тексты, фотографии или рассказы, — по собственной инициативе. Переписка быстро выплеснулась из «мандельштамовских» берегов и распространилась на весьма широкий круг писателей, в частности, на Гумилева, Ахматову, Г. Маслова и многих других.

Затем положение «выровнялось», и в свою очередь Струве стал поставлять Оксману различные сведения и публикации, нужные последнему для его работы над КЛЭ. 31 мая 1963 года Оксман писал из дома творчества в Ялте: «А вообще без вашей информации, печатной и эпистолярной, документируемой даже самими оттисками и вырезками, мне уже было бы скучно жить»⁴¹.

Двумя днями позже: «Я только сейчас до конца понял вашу роль в русской науке и литературе, полпредом которой вы являлись за рубежом несколько десятков лет и продолжаете оставаться, как исследователь литературы, как ее пропагандист, как критик, историк и педагог. Все, что вы пишете, очень публицистично (в лучшем смысле этого слова), т.е. актуально политически, а не только научно. Но и для «чистой науки» вы в самых неблагоприятных условиях успели сделать так много, что без книг и статей ваших не может обойтись ни один литературовед»⁴².

Иной раз Ю. Г. Оксман не останавливался и перед критикой Струве, в частности, за его слишком сочувственный отклик на мемуары Всеволода Рождественского: Оксман и Е. Тагер видели в них то, что проскальзывало мимо жадно-доверчивых западных глаз, радующихся любой новой информации, — ложь, лицемерие, сознательные искажения⁴³.

⁴¹ Л. Флейшман. С. 57 (письмо от 31.5.1963).

⁴² Л. Флейшман. С. 61—61 (письмо от 2.6.1963).

⁴³ Л. Флейшман. С. 26—31 (письмо от 20.11.1962).

Принципиальное и «программное» звучание имело третье по счету письмо Ю. Г. Оксмана (от 2 декабря 1962 года):

«Глубокоуважаемый Глеб Петрович, пишу еще одно письмо вдогонку, хотя знаю, что не ушло предшествующее послание, к которому приложены воспоминания Елены Михайловны о Мандельштаме. На днях слушал воспоминания Анны Андреевны о нем же <...>. Ничего более значительного во всех отношениях о М. никто никогда не писал и уже не напишет. Анна Андреевна уверяла меня, что она писала, не рассчитывая на печать и не будет пытаться это сделать. Но сейчас все равно никто у нас не рискнет «тиснуть» то, что она сказала о М. Я полагаю, что и «весна», которой поверили после опубликования нескольких антисталинских произведений в стихах и в прозе, оказалась иллюзорной. История с выставкой «30 лет работы Московских художников» подтверждает мой диагноз. Не верю я и в то, что в будущем году издан будет в большой серии «Библиотеки поэта» О. Э. Мандельштам. А если и будет что-нибудь издано, то в сильно сокращенном виде, с изъятием всего того, что называют у нас сейчас «модернизмом» (О политических стихах и говорить нечего!). Боюсь я и за поэму Анны Андреевны, которая отвергнута Твардовским и едва ли пойдет даже в отрывках в „Знамени“, куда сосватал эти «куски» К. И. Чуковский. А за рубежом поэма опубликована, как я читал, давно полностью и даже переведена на французский и английский языки.

Итак, второе издание поэта Мандельштама, с прозой, которую у нас и не предполагалось переиздать, придется печатать вам — с дополнениями и поправками. Я достал тот рукописный сборник, который ходит у нас с середины 1958 г. в многочисленных списках. Сборник восходит к тому, который сделан был вдовой поэта. Разумеется, он не полон, но важнейшее, кроме стихов о Сталине, в него включено»⁴⁴.

5 января 1963 года Оксман писал Струве:

«Мне бы хотелось посмотреть в корректуре новое ваше издание Мандельштама. Со дня на день надеюсь получить копии того,

⁴⁴ Л. Флейшман. С. 31—32 (письмо от 2.12.1962). Интересно, что в этот раз А. А. не разрешила Ю. Г. Оксману скопировать свои воспоминания, и он получил их в свое распоряжение от случайного лица и только в январе 1963 г. (Там же, с.47).

что не вошло в тетради, ходящие по Москве. Беда, что эти копии не очень хороши. Их надо делать текстологам, а не случайным читателям и почитателям. Не верю в высоту филологической выучки и Надежды Яковлевны (вдовы поэта). Досадно, что у меня не будет времени переписать материал, кот<ор>й получу. Сделаю это сам, обращая внимание лишь на самое существенное. Сделаю самые нужные вам выписки из восп<оминаний> А. А., которая почему-то продолжает негодовать на американских ученых»⁴⁵.

В своем следующем письме (от 8 января 1963 года) Оксман пишет, во-первых, о получении им накануне еще некоторых списков стихов О. М., а во-вторых — о важности собирания мандельштамовских писем. Он сообщает и о 102-страничной подборке из 82 писем О. М. к родным (в основном, к самой Н. Я. Мандельштам): *«Без согласия вдовы печатать их, конечно, нигде нельзя. Но использовать для биографии поэта, по-моему, можно и должно, не беспокоя ее просьбами о согласии. Таково же должно быть отношение к мемуарам о нем...»*⁴⁶. К письму Оксман приложил выдержки из письма О. М. к жене от 24 февраля 1930 года, а также полные копии его писем к Ю. Н. Тынянову и к брату Шуре (из лагеря).

В том же письме Оксман упоминает «Разговор о Данте», дефектной (невыверенной) машинописью которого он, по всей видимости, обладал и обещает сверить ее при первой же возможности с первоисточником из архива О. М. Он предполагал, что архив поэта хранится где-то в Москве или Ленинграде, но у кого именно — он не знал: сама же Н. Я. в это время жила и работала в Пскове, и следовало дожидаться ее очередного приезда в Москву (обычно она останавливалась у Шкловских).

Но обстоятельства, видимо, резко изменились, и буквально назавтра Оксман пишет новое письмо Г. Струве, в котором сообщает: *«...отправляю сегодня вам материалы о Мандельштаме, добытые с очень большим трудом. Большую их часть привезли*

⁴⁵ Л. Флейшман. С. 45 (письмо от 5.1.1963).

⁴⁶ Л. Флейшман. С. 47—48 (письмо от 8.1.1963).

мне из Пскова на очень короткое время. Я думаю, что всех участников этой операции надо наградить вместо орденов хорошими книгами — первым томом Гумилева, «Доктором Живаго», воспоминаниями (любыми) и т. п.» Далее он писал, что в архиве О. М. сохранился черновик статьи «Пушкин и Скрябин» и что, на его взгляд, последнее письмо О. М. стоило бы напечатать в составе «справки» о последних годах жизни О. М. и с дезориентирующей «ссылкой» на некий список из архива А. А. Фадеева⁴⁷.

В другом письме Оксман спрашивает: «Не знаю, есть ли у вас тетрадь мемуарной прозы О. Э. под названием «Четвертая проза»? Эта тетрадь есть у Анны Андреевны и у многих других. Есть ли у Вас наброски статьи о Данте (1916 г.?)? Есть ли у вас воспоминания, которые она читала мне и Н. Н.?»⁴⁸. Наброски «Пушкин и Скрябин», а также «хорошую копию „Четвертой прозы“» он приложил к письму от 31 мая 1963 года, завершив сообщение об этом выразительным «Ура!»⁴⁹.

В единственном из сохранившихся в архиве Г. П. Струве собственных его писем к Ю. Г. Оксману, датированном, скорее всего, 5 мая 1963 года, запечатлена его просьба прислать аутентичный текст «Разговора о Данте». Он пишет: «В будущем году журнал *Books Abroad* и какое-то итальянское издательство выпускают одновременно по-английски и по-итальянски симпозиум о Данте, и мне бы хотелось включить туда эту вещь ОЭМ. Ошибки (многочисленные) в итальянских цитатах легко исправить, но есть и другие ошибки, пропуски не разобранных слов и т. д.»⁵⁰.

⁴⁷ Л. Флейшман. С. 48—50 (письмо от 9.1.1963).

⁴⁸ Л. Флейшман. С. 56 (недатированное письмо, полученное адресатом 6.5.1963).

⁴⁹ Л. Флейшман. С. 59 (письмо от 31.5.1963).

⁵⁰ Л. Флейшман. С. 54. Относительно «аутентичного текста» «Разговора о Данте» Оксман отвечал 2.6.1963: «Постараюсь сделать все, что возможно, для получения доступа к «Разговору о Данте», но это дело затяжное».

В целом же тайная переписка Глеба Струве и Юлия Оксмана — уникальный памятник доброжелательности, равноправия и взаимоуважения корреспондентов.

А так называемая «американка» — многотомное «Собрание сочинений» Осипа Мандельштама, выпущенное Струве и Филипповым в 1960-е гг., — памятник добросовестной работы редакторов, выполненной уже не вслепую, как при подготовке однотомника 1955 года. И главное — гарант сохранности творческого наследия великого поэта.